

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Т44

Swati Teerdhala

THE TIGER AT MIDNIGHT

Copyright © 2019 by Swati Teerdhala

Художественное оформление *Юлии Девятовой*

Тирдхала, Свати.

Т44 Полночный тигр / Свати Тирдхала ; [перевод с английского Э. К. Фарниевой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-111772-6

Солдат, воспитанный в стенах Кровавой крепости Джансы. И тайное оружие Дхарки. Воин, следующий долгу и приказу. И шпионка, известная по прозвищу Гадюка. Романтик, чувствующий связь с умирающей природой. И смертоносное оружие повстанцев, ранимая девушка, жаждущая мести. Кунал и Эша.

Они не выбирали свой путь. Но стали жертвами изматывающей войны, которая развела их по разные стороны. И встретились в ночь объявления перемирия.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-111772-6

© Фарниева Э.К., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Моим родителям и сестрам.
Моей семье по крови и выбору.
Вы – мой дом.*

Увидев тигра в полночь, отведи взгляд,
Ибо ты встретил воплощение прошлых грехов.
Из преданий Нарана и Нарии

Глава 1

Кунал, привыкший зорким, как у орла, взглядом выискивать щели в броне врага или изъяны в стратегии, сегодня просто смотрел на море, спокойно любуясь пейзажем.

На фоне ночного неба прибрежная линия Дхарки казалась призрачной, особенно по сравнению с резкими очертаниями скалистых утесов Джансана внизу.

Кунал отчаянно хотел бы запечатлеть игру лунного света на камнях и воде.

Он устроился на самой высокой из стен Красной крепости, пристроив сбоку изогнутый длинный лук. Резкий холодный ветер пощипывал скулы сквозь пробившуюся щетину. Много лун миновало с тех пор, как у него была возможность беспечно закрыть глаза и кожей почувствовать ветер. Сегодня утром с дхарканцами подписали договор о перемирии, поэтому его караул был не более чем формальностью. Тем не менее он не собирался терять бдительность.

Кунал обвел взглядом темные, как сажа, ночные окрестности, ни на чем не задерживаясь надолго.

Все равно некому было оказаться на заброшенных боевых рубежах: солдаты уже слишком заняты, отмечая временное затишье рисовым вином и игрой в кости.

Только вот... что-то шевельнулось.

В мгновение ока он был на ногах, глядя сквозь узкое окно-бойницу на маленькую фигурку, которая потихоньку пробиралась сквозь лагерь к западу от Крепости. Луна

подчеркнула ее осторожные движения, а блики от красного песчаника стен окружили девушку мрачным ореолом.

Ее голову и плечи покрывала уттарья¹ цвета слоновой кости, но Кунал все же разглядел в изменчивых отблесках света лицо.

Он оставил свой удобный угол.

Кунал бы дал девушке возможность самой отыскать дорогу в гавань под утесами, но она уже шла в неверном направлении. Через четверть часа затрубят в раковину, и солдаты вывалятся из западного входа на ночную тренировку — пьяные и в драчливом настроении. Хотя боевых слонов так поздно не выпускают, все равно после нынешнего пира здесь будет хаос и во время построения колесниц заплутавшую девушку раздавят!

Он рисковал получить плетей за то, что оставил пост, но у Кунала все внутри перевернулось при мысли, что мирный житель пострадает во время его караула.

Девушка исчезла в нависшей тени Крепости, и Кунал помчался вниз. Он пронесся по башенной лестнице и узким коридорам, чудом не задев свисавшую с потолка камфорную лампу². Достигнув высоких каменных арок первого этажа, он свернул за угол к боковому входу и, выставив вперед руки, с разбега открыл дверь.

Океанские волны вздымались и с пеной разбивались о красные утесы, из которых вырастала южная стена Крепости. Слева над берегом, возле порта, поблескивали огоньки торговых кораблей. А справа, вдалеке, почти на краю утеса, он снова увидел девушку.

Она подняла голову к небу, и лунный свет пролился на ее профиль и улыбку.

¹ Уттарья (*англ. uttariya*) — древний широкий шарф индийских мужчин и женщин. Обычно спускался с шеи и драпировал руки, но иногда им окутывали верхнюю часть тела и голову. Современный аналог уттарьи — дупатта.

² Камфорная лампа (*англ. camphorlamp*) — как правило, бронзовый сосуд с фитилем, пропитанным камфорным маслом; в индуизме камфора является одним из сакральных благовоний, используется в различных религиозных ритуалах и в быту как средство от злых духов и негативной энергии.

Ее улыбка.

Она призвала из дальних уголков памяти нежеланные воспоминания... О друге детства с игривыми глазами и вызывающей усмешкой, который частенько втравливал Кунала в неприятности. О давно умершем друге.

Воспоминание кольнуло в груди, как осколок прошлой жизни. Той жизни, в которой он не знал, как быстро убить человека четырьмя разными способами.

Скрывшись в тени у входа, он наблюдал... Морской бриз принес холод, и девушка, вздрогнув, укутала тонкие смуглые руки концами уттары. На ней было простое алое сари с тонкой золотой каймой, кусок плотного шелка перекинут через плечо и схвачен на поясе золотым кушаком. Он пригляделся к ее ножкам. Ни одного колечка на пальцах — значит, не замужем. Нет ни ножных браслетов, ни сережек и витиеватой золотой бижутерии — ничего, что указывало бы на ее статус. Должно быть, она из недавно прибывших торговцев, те всегда одеваются подчеркнуто нейтрально.

Куналу стало легче от этой мысли, хотя он все равно тревожился, гадая, что привело девушку к Крепости — большинство торговцев к этому времени уже удалились в гавань. Неужели она заблудилась?

Кунал вышел из тени и направился к ней.

— Вам нельзя тут находиться, — произнес он, остановившись в шаге от девушки.

Кунал заметил, как напряженно она прижала уттарью к груди. Ее глаза скользнули по бронзовым доспехам и золотым наручам, сразу дающим понять, кто он такой.

Кунал перехватил взгляд и отступил, забыв о резком тоне. Конечно, после такого рывканья она испугалась. Лишь несколько дней тому назад командир конницы велел заковать торговца в кандалы из-за спора с капитаном Крепости.

На краткий миг они неподвижно застыли на сильном ветру, всматриваясь друг в друга.

Вблизи девушка оказалась еще прекрасней. Огромные ореховые глаза в обрамлении густых, круто изогнутых бровей. На лице написан страх, однако подбородок упрямо выпячивается вперед.

Кунал, кашлянув, отважился на робкую улыбку. Он попытался встать в обманчивом лунном свете так, чтобы она увидела его безоружность и миролюбивость, и вдобавок поднял обе руки. Ее плечи расслабились, и Кунал постучал четырьмя пальцами правой руки по груди — знак приветствия, символ дружелюбия и доброты в Джансе.

— Я был наверху и увидел, как вы пошли не туда, — сказал он, прочистив горло, и указал на торчащую наверху бойницу. — Вам нельзя... то есть сегодня ночью находиться на западной стороне Крепости небезопасно. — От волнения он начал говорить все быстрее. — Вы заблудились? Ночью ориентироваться на тропках торговцев бывает трудно. Вот эта ведет прочь от гавани.

Он не мог припомнить, когда в последний раз так долго говорил с девушкой; женщин выгнали из джансанской армии после разгрома королевы. В Крепости остались лишь защитники и заезжие торговцы, которые вносили свою лепту в ее процветание. Многие солдаты во время походов делали вылазки в город, но Кунал никогда не принимал участия в подобных увеселениях.

Кунал встречал торговцев из всех уголков Южных земель и Дальних островов, помнил большинство по имени, но девушку не узнавал. Его глаза впились в крохотную булавку, которая удерживала складки ее сари — похожа на цветок жасмина и явно сделана дхарканцами. Однако у девушки отсутствовала валайя¹ — металлический браслет, который каждая дхарканка носила с рождения. В любом случае ни один дхарканец не осмелился бы появиться здесь, у Крепости. Она наверняка джансанка.

Необычно видеть уроженку Джансана с подобной булавкой в наши дни, но исключать такое тоже нельзя. До Войны братьев джансанцы и дхарканцы легко заключали смешанные браки, любили и жили вместе на Южных островах, не

¹ Валайя (*санскр.* «кольцо, круг») — сплошной браслет, носится и мужчинами, и женщинами на руке — на запястье, предплечье или плече. Может быть украшен различными узорами и указывать на благородное или божественное происхождение своего хозяина или хозяйки.

проводя границ. Только после убийства королевы Джансы и ее рода, случившегося десятилетие назад, грянула война, и узы между странами распались.

Тот кровавый переворот навсегда изменил и жизнь Кунала.

— Я видел много торговцев, которые привозили сюда свои товары и потом терялись, глядя на башни и эти бесконечные парапеты... На самом деле не такой уж и потрясающий вид, хотя, наверное, я так считаю, потому что живу здесь... — Не успели слова вырваться наружу, как он прикусил язык, изумляясь своей разговорчивости и откровенности.

Она долго изучала его лицо, и Кунал едва поборол желание выпалить что-нибудь еще, лишь бы нарушить тишину. Наконец она скромно склонила голову.

— Думаю, я заблудилась. — Голос оказался музыкальным, размеренным, с ноткой неуверенности. — Не будете ли вы так добры подсказать, где дорога в гавань? Я опозднилась, доставляя свой груз маковых семян, надеюсь, вы извините меня. — Она опустила голову и потупила взгляд. — Но, если я не вернусь на корабль вовремя, ждать меня не станут... Капитан не одобряет опозданий.

Он быстро кивнул. Дядя Сету — известный остальным жителям Джансы как легендарный и грозный генерал Хотха — тоже ненавидел промедления.

— Конечно. Я покажу вам тропку, ведущую вниз, в гавань. Могу проводить прямо сейчас.

Тень облегчения мелькнула на лице девушки. Видимо, тот капитан и в самом деле имеет много общего с генералом, раз она так сильно тревожилась.

Кунал взглянул на свой наблюдательный пункт на вершине Крепости. Даже учитывая веселившихся во внутреннем дворе солдат, они смогут пройти этот полночный путь без помех всего за четверть часа. Надо поторопиться, чтобы успеть до открытия западных ворот. Он мысленно сделал пометку: предупредить часовых, что с этого момента нужно тщательнее присматривать за торговцами.

Кунал молча направился к тропинке, поглядывая на девушку, которая не поднимала глаз. Для торговли ее поступь была чересчур бойкой, а осанка — слишком уверенной. Большинство торговцев в Крепости ковыляли со согрбленными плечами, боясь навлечь гнев генерала.

Но эта девушка... Ее глаза были полны огня и в то же время глубоки, как океан. Они тревожили Кунала. Огонь и вода несовместимы — но только не в ее глазах. Там они сочетались в идеальной гармонии. Нечто в ней казалось очень знакомым, но Кунал не мог понять — что именно.

Может, она — одна из дочек этого нового вожака торговцев? Или только что прибыла на одном из торговых кораблей из Западных земель, что за морем?

Когда они поднялись на вершину холма к боковому входу в Крепость, где пролегал троп, он больно уколол палец ноги об острый камень.

В высшей точке холма тропа упиралась в одну из пяти песчаниковых колонн Крепости. Высеченные на ней за последнее десятилетие законы короля Вардаана строка за строкой мерцали в свете луны. На камне виднелась белая трещина — раньше тут находились статуя Нарии, первой королевы Джансы, и орел, символ королевского рода. Кунал до сих пор помнил тот день, когда спросил дядю, отчего на троне Джансы король, а не провозглашенная богами королева, — тогда он получил первую в жизни трепку.

Куналу не хотелось думать, что сказал бы дядя о том, что он оставил пост, и неважно, по какой причине. Плохое решение для преданного джансанского солдата, особенно теперь, с учетом его повышения.

— У вас все хорошо? — осведомилась девушка. Слова прозвучали резко и отрывисто, совсем иначе, чем до того.

Кунал кивнул. Она вскинула темную бровь.

— Разве солдаты обычно разгуливают, хмурясь на воображаемых людей?

Улыбка коснулась уголков его губ. Оказывается, его так легко понять по выражению лица.

— Только по четным дням. Сегодня как раз тот самый, угадали.

Она усмехнулась.

Откуда эта игривость в речи? Кунал не был любителем заигрывать, даже похабных песенок не пел.

Теперь девушка смотрела на него, и прежняя мрачность исчезла, во взгляде загорелся озорной огонек.

— На этом берегу всегда так холодно или я приехала не в тот день? — спросила она, имея в виду полуостров, на котором располагалась Крепость.

— За прошедшие годы стало прохладнее.

Она озабоченно хмыкнула.

— И я не заметила дождевых туч. Для наших кораблей — хорошо, но, думаю, плохо для земли.

— Земля стала не такой плодородной. Непродолжительная засуха, только и всего, — ответил Кунал, припоминая то, что говорили им командующие об изменении почвы.

— Слышала, на севере не просто засуха, — произнесла она почти с опаской. Когда он повернул к ней голову, продолжила: — Пшеница в этом сезоне выросла в цене, говорят, это из-за плохого урожая. Засуха повлияла даже на рынок жемчуга на Дальнем Востоке.

Она умна, в этом нет сомнений. Однако большинство торговцев, странствовавших в тени Крепости, довольствовались новостями Джансы, и только Джансы. Кунал постарался не выдать, как он удивлен ее осведомленностью. Почему она так отличается от других?

— Вы правы, — наконец ответил он. — Я слышал, как торговцы в порту жаловались, что продажи хуже обычного даже в Гвали.

— Даже в столице? Ого, все серьезно, — сказала она с усмешкой.

На миг показалось, будто она собирается сказать что-то еще, но вместо этого она сменила тему, спросив, какие есть новости из столицы.

Кунал рассказал все, что знал о новом перемирии, украдкой наблюдая за спутницей. В ней было некое особое очарование, которое вдохновляло его говорить, не умолкая.

От гребня утеса, на котором возвышалась Крепость, они по гравиевой тропинке спустились к песчаному берегу.

Прядь черных волос выскользнула из-под утгарьи и прижалась к щеке. Кунал представил, на что это похоже: отвести прядку в сторону, встретить ее взгляд... Но он преодолел свой порыв.

Помочь девушке, и только. Прочего дядя не простит. Кунал потряс головой, стараясь отогнать мысль. Ему нужно вернуться на пост, пока не заметили его отсутствие.

— По этой тропке вернетесь в гавань и там сможете проскользнуть на корабль незаметно для капитана, — сообщил Кунал.

— Вы меня не проводите? — спросила она, посмотрев прямо ему в глаза.

Он колебался. Вопрос прямой, но чем он вызван? Он не мог сказать с уверенностью, желает ли она этого, выражение лица оставалось непроницаемым.

Он покачал головой.

— Нет, мне нужно вернуться на свой пост. Но я буду смотреть вон оттуда, — Кунал указал на свой уголок. — Если вам что-то понадобится, неважно что — помашите.

Ее глаза метнулись к стенам Крепости.

— Благодарю вас, — пылко, даже слишком пылко, ответила она. Кунал кивнул.

— Было приятно с вами познакомиться. — Он взял ее за руку.

В изумлении она посмотрела на него, и он ответил прямым взглядом, прижавшись к ее руке губами.

— Как вас зовут?

Глава 2

Эшу так выбил из колеи нежный жест солдата, что она выпалила, не задумываясь:

— Эша.

Она отняла руку и едва удержалась от того, чтобы зажать рот.

Дура.

Что на нее нашло, как она могла сказать парню истинное имя? Неужели теплые глаза? Или первое за долгое время

проявление доброты от мужчины, который к тому же ничего не скрывал и не презирал ее из-за пола?

Три недели в изоляции никого не оставят полностью в здравом рассудке, вот и она дала слабину. Забыть о себе и открыть собственное имя из-за приятного лица и доброго слова... да кто она такая после этого?

Ей необходимо уйти от разговора, завершить миссию и вернуться домой, чтобы отпраздновать с друзьями и соратниками. Можно даже позволить себе найти парня для поцелуев под луной. Может, Харуна. Но только не этого.

Эша взглянула на своего спутника, стоявшего напротив, на черные волосы, развевавшиеся на бурном ветру. Она впитывала каждую деталь облика, оценивая его и запоминающая, чтобы после обдумать.

Он был солдатом, мускулистым и крепким, кожа потемнела от походного загара. Шрамы расползались по костяшкам пальцев, пересекали плечо, один зацепил край полных губ. Но в его бледно-янтарных глазах скрывалось нечто нежное.

Если он по природе неженка, то не сумеет пережить ее нападение. Ну а если грубиян, то похож на прочих джансанских солдат и ей будет приятно оборвать его жизнь.

— Эша, — повторил он. В уголках его глаз появились морщинки искреннего удовольствия, и Эша не удержалась от ответной улыбки. — А я — Кунал.

Свирепый ветер стучал его колчаном о бронзовую кирасу, перебирал стрелы, запутывал в них отброшенные с плеч концы утгары.

Кунал не носил тюрбан для утверждения своего статуса, как делали многие джансанцы, бронзовой кирасы и золотых наручей было вполне достаточно. В своей броне он выглядел воплощением воинской мощи, однако Эшу притягивала его улыбка. Она меняла его невозмутимое выражение лица на удивительно приветливое.

— Может быть, мы увидимся еще? — спросил он с ноткой надежды. — Может, я уговорю нашего повара испечь отличного сонного хлеба с маковыми зернышками, — и он слегка ухмыльнулся.